

Эссе на тему картины художника М. А. Тебетева «Ожидание»

ПЛЕСКАЧ София Сергеевна,
ученица 8а класса,
СОШ № 2,
г. Белоярский

**М. А. Тебетев. Ожидание (1983).
Музей Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск)**

В этом году мы отмечаем 100-летие со дня рождения самобытного и невероятно талантливого художника Югры – Митрофана Алексеевича Тебетева. За свою долгую и плодотворную жизнь хантыйский живописец написал порядка четырёхсот произведений. Каждая его картина – это признание в любви своему народу, родной земле, описание быта хантыйской семьи, популяризация национальной культуры и традиционных ценностей обских угров.

Темой своего эссе я выбрала работу М. А. Тебетева «Ожидание». Нетрудно догадаться, почему мастер кисти именно так её назвал. Перед нами, судя по всему, летнее рыболовецкое стойбище. На переднем плане мы видим хантыйскую хозяйшку – мать с двумя детьми. Не хватает только главы семейства. Должно быть, он занят добычей рыбы или дичи. Ведь, как известно, охота, рыболовство и оленеводство – главные промыслы коренных жителей автономного округа. И хотя автор не запечатлел хозяина дома на холсте, мы вполне можем себе его представить. Сильный и ловкий, он удит рыбу или пробирается нехоженными тропами тайги. Здесь ему знаком каждый кустик, ведь лес – его дом, завещанный ему предками, которые научили его бережному отношению к природе. Никогда без надобности ханты не станут добывать зверя или птицу, понимая, что любая жизнь священна. Есть у них свой кодекс чести, табу, которые они не нарушают. Старожилы-ханты говорят, что нельзя, например, убивать в лесу «шамана» (утку-крякву), потому что это одна из священных птиц у казымских ханты – Касум ими («Казымская женщина-богиня»). Ворон, орёл, сова, медведь, лось... Сакральных животных и птиц много в культуре аборигенных жителей. И если начать об этом говорить, то моему эссе не

будет конца и края, поэтому оставим пока нашего славного охотника и вернёмся к хранительнице домашнего очага.

М. А. Тебетев очень реалистично прорисовал каждую деталь на полотне. Обратим внимание на внешний вид хантыйской женщины и девочки. На обеих – сатиновые или ситцевые платья, украшенные аппликацией тканью по ткани. К слову, это один из самых трудоёмких видов женского национального рукоделия. «Детали орнамента очень мелкие, искусно вырезанные, всё пришивалось «на глазок», что требовало большого опыта, терпения и усидчивости от мастерицы», – рассказала мне народный мастер России Ирина Кузьминична Фирсова в ходе экскурсии в Белоярский этнокультурный центр, где экспонируются, в том числе, и хантыйские национальные наряды. Цветовая палитра одежды матери и дочери, изображённых художником, – традиционная в культуре северных народов: синий – цвет водных источников нашей прекрасной и великой Югры, красный – жизненная сила, жёлтый – цвет солнца, чёрный – олицетворяет мужскую силу и нижний мир (мир духов). Надо сказать, что исследованием колорита традиционной одежды занимались многие учёные, среди которых М. В. Южанинова, Н. Ф. Прыткова и многие другие, чьи труды я внимательно прочла.

У женщины, изображённой на картине, мы видим украшение на шее. И это явно не турлопс, скорее, оно выполнено из щучьих позвонков. На голове матери – пёстрый платок. Эта деталь гардероба, кстати, тоже неспроста. «Платок был обязательной частью женского костюма, – пишет в своей статье на сайте ar.culture.ru моя землячка, народный мастер России, Ираида Григорьевна Неттина. – В хантыйской культуре ему приписывали сакральное значение. Его считали символом защиты, оберегом от нечистой силы и подношением духам-покровителям». К тому же, платок – неременная деталь одежды замужних женщин. На ногах матери и дочери – летняя обувь из кожи оленя или лоса. Думаю, что это ниры. Теперь посмотрим на мальчика. Он босоног, в руках держит лук и стрелы, что тоже очень символично. Перед нами – будущий добытчик, кормилец семьи, как и его отец. Дети у коренных народов Севера очень рано приобщаются к традиционным видам деятельности. Девочки обучаются рукоделию и приготовлению пищи, мальчики – охоте, рыбной ловле, оленеводству. В хантыйских семьях царит атмосфера согласия и взаимопонимания, детям прививают традиционные культурные ценности, которые передаются из поколения в поколение, их учат чтить традиции и соблюдать ритуалы. Что же ещё мы видим на этой картине М. А. Тебетева? Да, в общем-то, всё, что необходимо семье для жизни на летнем стойбище. На заднем плане – небольшой срубной дом, где есть чёткая граница, отделяющая мужскую зону от женской, а также кухонная зона. Если заглянуть внутрь, мы наверняка заметим накрытые оленьими шкурами и протянувшиеся вдоль боковых стен деревянные нары, которые служат постелью обитателям этого жилища. Посмотрим, как описывается убранство хантыского дома в статье «Интерьер жилища» электронной антологии «Культурное наследие Югры»: «Поперёк или вдоль дома от одной стены к другой протягивали горизонтальные жерди для просушки одежды и обуви. На стенах часто делали полки для утвари. Полки для посуды, хранения провизии, воды устанавливали в углу против чувала. Под ними держали собак. Стол помещался у одной из стен, против стены с чувалом. В переднем углу была полка для домашних святынь, там же хранился шаманский бубен. Женщины туда не имели доступа». Доступа они не имели и к священным лабазам, где хранились обрядовые вещи: изображения духов, шкуры зверей и другое.

Я это знаю не понаслышке. Немного отвлекусь от описания картины, чтобы рассказать об одном случае из своей жизни. Однажды мне довелось побывать в деревне Тугияны Белоярского района. Поскольку интересуюсь национальной культурой коренных жителей Югры, я пообщалась там с местными жителями и много необычного для себя узнала. Например, в некоторых домах всё ещё жива традиция – ежегодно совершать жертвоприношения духам-покровителям, которые оберегают тот или иной семейный род. Для этого забивается домашнее животное, мясо отваривают и, помолившись, съедают все

члены семьи. А высушенную шкуру, а также подношения в виде тканей, амулетов, монет и других сакральных предметов долгие годы хранят на чердаке. При этом женщинам туда категорически запрещено подниматься. Такая иерархия, как мне кажется, прослеживается во всём, что касается быта народов ханты и манси.

Но вернёмся к работе Митрофана Алексеевича. Отметим, что он также изобразил на холсте лабаз, глинобитную хантыйскую печь (нянь-кор), где выпекается вкуснейший ароматный хлеб (когда-то я отведала его в селе Казым, на праздновании Дня оленевода). Также мы видим различные хозяйственные постройки: навес для хранения и сушки, например, рыбы или сетей. Справа, возможно, баня. А ещё большое внимание художник уделил лодке, которая разместилась чуть поодаль от домочадцев, ожидающих своего отца-кормильца. Думаю, что это облас (долблёная лодка, её делают обычно из кедра). Без неё не обойтись охотнику и рыбаку из числа коренных жителей. Как и без собаки – верного друга и помощника семьи. Её тоже изобразил М.А. Тебетев.

В завершение остаётся сказать несколько слов про колорит этой картины. Живописец очень гармонично сочетает пастельные оттенки зелёного, охры, коричневого, бежевого цвета. Что примечательно, даже более яркие тона одежды людей не выбиваются из общего цветовосприятия полотна. На мой взгляд, этот авторский приём подчёркивает единение человека и мира природы. Картина Митрофана Алексеевича мне кажется великолепным образцом этнической живописи. Глядя на неё, я испытываю чувство глубокой гордости за то, что живу на земле народов ханты и манси, которые так свято чтут культуру и соблюдают обычаи своего народа, так крепки их семейные традиции, передаваемые из поколения в поколение.

«Ожиданье» ... Любящие друг друга люди ждут своего отца. Но в этом названии мне видится также намёк на дальнейшее возрождение культуры народов ханты и манси. Автор, с такой любовью изобразивший быт этой семьи, будто обращается к обществу: берегите наследие своих предков!